

Вклад эмигрантской интеллигенции в развитии исторической науки и образования за 1920-1940 гг.

Аннотация. Предметом исследования является становление и развитие китайского очага исторической науки российской эмиграции в 20–40-е гг. XX в., а также изучение специфики деятельности русских историков в дальневосточном зарубежье. Автор подробно рассматривает разные аспекты работы русских историков-эмигрантов в Китае и значение этой работы для изучения российской истории. Русские эмигранты плодотворно занимались научными исследованиями, книгоиздательской, творческой, общественно-культурной, академической и другой деятельностью в Китае. Особое внимание уделяется произведениям русских историков, изучавших историю Монголии, России, Китая и других стран. При рассмотрении научной и общественно-культурной деятельности русских историков-эмигрантов применяются разные общепризнанные методики, позволяющие анализировать разнообразие эмпирических данных. При исследовании биографических данных русских историков-эмигрантов применялся количественный метод. Чтобы получить точные и проверенные результаты исследования, в статье использован сравнительно-исторический метод, который позволил синхронизировать важнейшие события в истории развития китайского очага исторической науки российской эмиграции. Основным выводом проведенного исследования является доказательство того, что русские эмигранты внесли огромный вклад в изучение исторической науки в Китае, и поэтому необходимо уделять пристальное внимание изучению их трудов. Новизна исследования заключается в комплексном анализе научной деятельности русских историков-эмигрантов в Китае, в результате которого восполняются пробелы в изучении истории китайского центра исторической науки российской эмиграции в дальневосточном зарубежье в 20–40-е годы XX века.

Ключевые слова: отечественная история, юридический факультет, Харбин, Китай, адаптация эмигрантов, воспитательная деятельность, эмигрантская интеллигенция, исторический вклад, русские историки-эмигранты, культура.

Abstract. The article's research object is the formation and development of the Russian expatriate historical science in the 1920s–1940s in China, as well as the specifics of the Russian historians' work in the Far-East. The author analyses in detail the various aspects of the contribution of the Russian emigrant scholars in China and their influence on Russian national history. The Russian migr s fruitfully engaged in scientific research, Russian book publishing, artistic, social, cultural, academic and other types of activities in China. Particular attention is paid to the works of the Russian historians as it is through them that one can recreate the main historical epochs of Mongolia, Russia, China and other countries. Upon the examination of the scientific and socio-cultural activity of Russian emigrants-historians the author used several universally recognised methods that allow to analyse the variety of empirical information. Upon analysing the biographical data of Russian emigrants-historians the author applied the quantitative method. In order to arrive at exact and mutually verified results, the article used the comparative-historical method, which has allowed to synchronise the most important events in the development history of the Chinese historical science circle of Russian emigrants. The study's main conclusion is the fact that Russian emigrants greatly contributed to the study of history in China, and also that it is necessary to allocate attention to the study of their works as the scientific and research activity of scholar-emigrants continues to this day. The novelty of this research lies in its complex analysis of the contribution, scientific activity and contractual work experience of Russian emigrants-historians in China, thus filling the gaps in the study of the Chinese centre of the Russian emigrant historical study that formed in the Far East in the 1920s–1940s.

Key words: Russian history, department of judicial studies, Harbin, China, emigrant adaptation, educational activity, emigrant intelligentsia, historical contribution, Russian historians-emigrants, culture.

Среди возникшей многотысячной массы беженцев в Китае после Революции и Гражданской войны оказалось значительное число русской интеллигенции, в том числе представители науки и образования. Среди них и представители научной исторической общественности, имена которых были известны еще в царское время.

Разные по идейным воззрениям (среди них: кадеты и либералы меньшевики и другие политические партии), все они естественно ненавидели большевиков, советскую власть, которая их выгнала за пределы России. Пронизанные сентиментальностью и ностальгией, они вкладывали в понятие культуры прежде всего великие произведения русской литературы. Именно в дореволюционной литературе, считали эмигранты, был заложен моральный и духовный потенциал. Литература явилась практически единственной основой культурного и национального исторического единства эмиграции и приобрела особое значение в связи с тем, что многие историки выступали также как литературоведы, критики и лекторы, например Г.В. Мелихов, Н.В. Устрялов, Вс. В. Иванов и другие. Они уделяли литературным проблемам не меньше внимания, чем историческим.

В адаптации русских историков-эмигрантов в Маньчжурии важная роль принадлежит высшим учебным заведениям. Среди них Харбинский политехнический институт, Юридический факультет, Педагогический университет, Северо-маньчжурский университет и другие, где русские профессора и доценты преподавали историю и занимались научной деятельностью.

Среди них профессора Н.И. Никифоров, Н.В. Устрялов, В.А. Рязановский и др. [1, 21]

Николай Иванович Никифоров, уроженец Киевской губернии, родился 29 апреля 1886 г., в 1910 году окончил университет Св. Владимира в Киеве, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, в 1914 г. сдал выпускные экзамены в магистратуре получил звание профессора. С 1914 года по 1917 год состоял приват-доцентом. Известными работами этого периода стали «Освобождение крестьян от крепостной зависимости (1861-1911)», изданная в Киеве в 1911 г., а также «Сеньориальные повинности по наказам Этампского бальяжа 1789 года», часть которой была удостоена золотой медали – награды университета Св. Владимира. В эти годы сформировался интерес Н.И. Никифорова к историко-эконо-

мической проблематике. А дальше начался путь в эмиграцию, в 1917-1919 годах экстраординарного профессора Омского политехнического института по кафедре всеобщей истории Н.И. Никифорова назначили директором Департамента министерства иностранных дел этого университета [2, л. 1]. В 1920-1921 гг. он являлся профессором Иркутского государственного университета [3, 66-68.] в 1921-1922 г. Никифоров состоял профессором государственного Дальневосточного университета также по кафедре всеобщей истории. С 1 января 1922 года он профессором юридического факультета в Харбине по кафедре истории русского права. Здесь он читал историю русского права, всеобщую историю, историю экономических учений, новейшую всеобщую историю, историю торговли, вел практические занятия по общей истории и истории русского права, по истории хозяйственного быта и просеминарий по истории русского права. Замеченное у студентов стремление к углублению изучения читаемых им предметов нашло отражения в работах в организованном при факультете научном кружке, а также в самостоятельном составлении студентами докладов. Исторический кружок под руководством профессора Н.И. Никифорова, проработал до 1930 года. [4, 315-326]

В 1928 г. Н.И. Никифоров защитил диссертацию по теме «Сеньориальный режим во Франции в исходе Старого порядка»

В годы харбинской эмиграции наблюдается постоянное обращение Н.И. Никифорова в своих научных публикациях к темам, раскрывающим историю через взаимосвязь с другими общественными науками, что способствовало развитию целого направления историко-экономических сюжетов. Он был членом и секретарем, испытательной комиссии, был редактором журнала «Вестник Маньчжурского педагогического общества». Вот перечень его наиболее известных исторических трудов: История китайского права (библиография). // Вестник Маньчжурии. 1928, №3. С.88-93. То же. // Библиогр. Сб. 6-ки КВЖД, Т. 1(II), 1928-1929, С. 4-14. Обзор памятников монгольского права. Исторический очерк. // Библиогр. Сб. 6-ки КВЖД, т.1 (VI), 1928, С.281-311. «Русская историческая наука за рубежом», статья в однодневном выпуске «День Русской культуры», 15/ VI-1930 г. Полный список его трудов опубликован в 9-м томе «Известий Юридического факультета». [5, л. 2]

Перед Второй Мировой войной Н.И. Никифоров уехал в США и продолжал работать профессором русской и европейской истории.

Профессор Георгий Константинович Гинс, был хорошо известен не только в России, Маньчжурии, но и в Европе, Америке. Родившийся в 1887 г., он окончил Петербургский университет в 1910 г., был учеником и последователем великого русского ученого профессора Санкт-Петербургского университета А.П. Петражицкого. В 1911-1913 годы стажировался в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа. В 1916 г. в Петербургском университете сдал магистерские испытания по гражданскому праву и получил звание приват-доцента. В 1918-1919 гг. Г.К. Гинс занимал должность начальника канцелярии Совета министров адмирала Колчака, где сотрудничал с Н.В. Устряловым, Л.А. Уструговым, генералом Суриным. [6, л. 86].

Европейский образованный юрист, он имел глубокое познание по истории, этнографии. Часто печатался, в «Историческом Вестнике» выходившим в Харбине, были опубликованы этнографические очерки – «Таранчи и дунгане» (1911 г.), «В киргизских аулах» (1913г) и ряд статей по вопросам колонизации и кооперативного дела (Трудовой Сибири). Вот перечень его известных исторических трудов: Таранчи Дунгане. (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. – Восточная литература, 1911. – №8. Способы обеспечения обязательств (с точки зрения истории и системы гражданского права). – Петроград: Сенат. Тип., 1917. – 29 с. Право и сила: очерки по истории теории права и политики. – Харбин, 1929. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. – Харбин, 1932.

На Юридическом факультете Г.К. Гинс руководил кафедрой вплоть до его закрытия, читал лекции в Педагогическом институте, Северо-Маньчжурском университете, Коммерческом училище. В Харбине было издано более двух десятков книг и брошюр Г.К. Гинса, посвященных истории государства и права России и др. стран.

В 1937 году издал сборник «Россия и Пушкин», в котором, в частности, опубликовал собственные статьи «А.С. Пушкин и русское самосознание» и «Русское прошлое в произведениях Пушкина». Являлся одним из основателей предприятия «Русско-маньчжурская книготорговля», был председателем совета директоров в Пригородном банке в Харбине.

Эмигрировав в США Г.К. Гинс продолжал активно сотрудничать с эмигрантскими американскими газетами: в 1942-1944 гг. редактировал Сан-Францисскую газету «Русская жизнь», незавершенной осталась «История России как многонациональная империя» [7, 25]

В 1925 г. в Китай эмигрировал еще один историк Георгий Густавович Тельберг. Уроженец г. Царицына (1881 г.), ученик профессора Н.П. Загоскина, в 1903 г. окончил юридический факультет Казанского университета. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1917 был избран деканом юридического факультета Саратовского университета и директором Экономического института. Специалист в области истории права и государственных учреждений в России. 14 декабря 1919 выехал за границу. Был профессором истории русского права Юридического факультета в Харбине. Также читал лекции по русской истории, государственному праву. Известен как автор большого числа исторических и юридических работ.

Среди эмигрантов-историков русского Китая заметно выделяется профессор В.А. Рязановский. Одна из его крупных работ «История Монгольского права» (Харбин 1931). Она состоит из трех частей. Работа несёт исторический характер, представляет попытку дать систематический очерк истории Монгольского обычного права. Автор скрупулёзно и последовательно проследил развитие основных институтов монгольского права, дал его развернутую характеристику и установил тенденции его развития. [8, 277-281].

Одним из известных историков-эмигрантов, был Матвей Николаевич Ершов. Он родился 1 августа 1886 г. С осени 1912 состоял исполняющим должность доцента академии. В 1914 г. он защищает магистерскую диссертацию – «Проблема богопознания в философии Мальбранша», в том же году утвержден в должности доцента по кафедре истории философии. Учителем Ершова был профессор В.И. Несмелов. С 1918 становится профессором кафедры философии и деканом историко-филологического факультета во Владивостоке. Там читает курсы лекций «История древней философии», «Введение в философию», «Университет. Наука и культура» и др.

Особое внимание Ершов уделяет освещению истории развития философской мысли в России. В историческом движении философ-

ской мысли Ершов видит определенный смысл, там «есть своеобразная внутренняя закономерность, наличествует известное нарастание богатства человеческой мысли» [9, 4]

В 1922 году получил приглашение Пекинского государственного университета, там читал курс «Русская культура и философия XVIII-XIX вв.». В середине 20-х годов Ершов приехал в Харбин, где работает на юридическом факультете.

Историк философии Ершов в своем главном труде «Восток и Запад – прежде и теперь» исследует основные линии и направления взаимоотношений «Востока и Запада» в историческом прошлом.

Ершов известен не только своими исследованиями философии, но и разработкой образовательных вопросов, связанных с культурно-историческим воспитанием русской молодежи.

Среди историков-востоковедов русского Китая выделяется имя Б.Я. Владимирцова. В 1909 г. он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду. Четыре раза ездил на север и запад Монголии, также ездил в Пекин для сбора материалов о языке, культуре и истории. В области науки он наследовал традицию русского классического востоковедения и играл важную роль в области монгольского языка, литературы и истории. Как историк он во многом формировался под влиянием работ своего предшественника академика В.В. Бартольда. Б.Я. Владимирцов в эмиграции написал более 70 научных работ. Среди них: «Буддизм в Тибете и Монголии» (1919), «Чингисхан» (1922), «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934, опубликован посмертно). В этой последней работе Владимирцов переходит на позиции исторического материализма.

Еще много историков-эмигрантов эмигрировали или временно посещали Китай с целью работы, исследований и по различным другим целям. Их деятельность на чужбине также имела большое научное значение.

В условиях эмиграции, в чужой языковой среде развитие исторической науки опиралось на творческий потенциал российских эмигрантов, на крепкую материальную, издательскую базу, а также на имеющиеся возможности донести написанное до массового читателя-соотечественника.

Анализируя работа русских историков-эмигрантов, не трудно заметить, что они были

исследователями, овладевшими иностранными языками и глубокими знаниями по истории и философии, уделявшими большое внимание окружающим людям и событиям, внимательно осмысливающими исторические события. В своих трудах, написанных в эмиграции, они откликнулись на необходимость дать исполненное новое смогло прочтение русской истории.

Высокой и глубокой была их восприимчивость к историческому знанию и изучению прошлого, прежде всего, прошло своей родины – России. Так в прошлом они искали мнение ответа на вопроса что же произошло с Россией, почему у неё такая трагическая судьба? Интерес к истории русских ученых-эмигрантов был не служен « Они тесно, что пережили самые тяжелые, и мучительные “ исторические события”». Их мир рушился у них на глазах, после нескольких лет кроваво, братоубийственно, утвердился совершенно новый политический и общественный строй. Другая культура, “ пишет известный историк русской эмиграции Марк Раев. [10, 203]

Историки-эмигранты русского Китая проявляли живой интерес к событиям как далекого прошлого России, так и к недавним событиям, испытывали любопытство и проявляли внимание к тому, что довелось пережить их товарищам в годы Первой мировой в годы Революции и Гражданской Войны. Не удивительно, что эмигрантская интеллигенция Харбина, Шанхая и других центров эмиграции задавала себе вопрос: Как могло случиться, что Россия оказалось охвачено революции и Гражданской войны? Как Россия отклонилось от “нормального” пути развития? Эти вопросы в своих публикациях ставили и профессор Н.В. Устрялов и Г.К. Гинс и писатель-историк Вс. Иванов. Статьи с подобным названием постоянно, появились на страницах эмигрантской печати, в газетах “Заря”, “Наше Время”, журнале “Рубеж”. За некоторым исключением, уровень большинства этих публикаций был весьма далек от научного анализа причин следствия недавних трагических событий в России. Большинство из этих публикаций носили обзорные, полемический характер в ущерб, научному анализу. На этом фоне выгодно отмечались работы профессиональных историков В.А. Рязановского, Н.В. Никифорова и Н.В. Устрялова.

В русско-эмигрантской среде Китая 20-40-е годы XX века популярны были исторические романы, мемуары, в которых делались попытки анализа событий и явлений с психологически драмами людей переживших эти драмы.

Такие романы воспринимались эмигрантской общественностью с большим интересом, чем научные труды. Этим в значительной степени объясняется популярность романов и исторических книг Вс. Иванов («Мы», «В тумане», «Мать» и др. его произведений). Вс. Иванов и подобные писатели-историки описывали и объясняли те или иные события как результат обстоятельств и непредсказуемых последствий действий отдельных людей.

К концу 30-х годов XX веков в связи с расколом русской эмиграции постепенно падает интерес к историческим произведениям русских эмигрантов. Роль историков, исторической науки исторического образования в русском зарубежье том числе и в Китае снижается. Учитывая все возрастающие просоветские настроения эмигрантской интеллигенции в предвоенные и особенно военные годы, можно понять что исследователь истории России, особенно эмигрант, уже не мог рассчитывать на обширную, зарубежную аудиторию в СССР их труды вообще были запрещены.

Интерес к истории падает не тесно с у старого поколения эмигрантов, но с у молодежи. Если в 20-е годы родители эмигранты с большим желанием прививали исторические знания молодому поколению, которое с интересом впитывался в исторические романы. Это нашло отражение в программах учебных курсов, которые читались в Вузах и Колледжах Харбина, Шанхая и др. эмигрантских центров Китая.

Такое положение тревожит научную и педагогическую общественность. Эти выводы выносятся на обсуждение учительных советов, съездов, педагогических обществ.

«История больше чем какая-либо другая наука способствует развитию национального самосознания и политическому образованию, поэтому преподаванию истории должно быть придано особенно важное значение [11, 252], – говорилось в решениях Съезда представительного национального Союза русской молодежи, составившегося 4 июля 1930 годы в Белграде. В работе его участвовали и представители Общества русских педагогов и Учительского Союза Харбина и Шанхая.

«В области преподавания национальной истории, – говорился на этом съезде, – нужно подчеркнуть исконное единство всех ветвей русского народа, дать научное объяснение не только возникновению «Украины» первоначаль-

но как географического термина, но также в последнее время как сепаратистского движения, питаемого враждебными России иностранными державами. Ввиду возникновения в последнее время самостийных течений среди отдельных белорусских и казачьих групп необходимо разоблачить как абсурдность их притязаний исторической точки зрения, так и вредность их с точки зрения национальных интересов, а также указать на иностранные источники их питающие. Должны быть включены в области исторического обозрения и судьбы русского народа, находившегося за пределами русского государства (Прикарпатская Русь, Галиция Внутренняя и внешняя политика России должна быть всегда трактуема под углом зрения национальной целесообразности. Особое внимание должно быть посвящено славянской политике России. Нужно проследить проникновение в Россию с Запада и развитие в ней революционных течений, равно как и объективные условия и недостатки государственного устройства им благоприятствовавшие. Дать объяснение русской сравнительной экономической отсталости и запоздалому развитию широкого просвещения, равно как и позднему развитию гражданских свобод, имея в виду войны в целях достижения национального объединения и естественных границ, огромность и редкую населенность русской территории, земледельческий характер страны и т.д. Необходимо отметить значение Императорской России в мировой политике до революции, и быстрое ее процветание на всех поприщах в последний период. Нужно подчеркнуть национальные заслуги царствовавшей династии, выполнившей почти полностью объединение русского народа, ведшей Россию последнее время путем ряда реформ к внутреннему усовершенствованию и в мировой войне, поставившей себе целью полное осуществление национальных русских задач, наряду с завершением освободительной миссии России в отношении славянских братьев. Необходимо изучать мировую войну и участие в ней России. Полезно отметить, каковы были наши жертвы в мировой войне и каковы были бы плоды этих жертв и напряжений, которых нас лишила революция. Дать яркую картину революции 1917 года и следующего за ней большевизма и зла, причиненного им России и русскому народу. При изучении революционных течений в среде русской интеллигенции особое внимание посвятить выяснению слабого развития национального и государственного самосо-

знания как среди интеллигенции, так и среди народа. Ввести в курс истории краткое изучение достижений русской культуры во всех ее областях (науки, живописи и скульптуры, музыки и т.д.) [11, 253]

И все же несмотря на призывы эмигрантской исторической общественности возродить у молодежи интерес к историческому образованию и науке в предвоенные годы ослабевает и перспективы вернуться им на Родину. Помимо профессиональных историков немногие продолжали углублять свои знания о прошлом России, о недавних революционных событиях. Большинство эмигрантской молодежи уже негативно относится к трагическому прошлому их родителей, из-за которого они находились на положении аутсайдеров в школе или вузе и вообще в чужой стране, где они уже не могут достичь приемлемого социально-экономического политического положения (поскольку их возвращался на Родину столь в сущности невозможным). Разумеется, некоторые дети эмигрантов продолжали проявлять интерес к истории и поступали в университеты, но в большинстве случаев там они занимались историей зарубежных стран, поскольку могли работать с архивным материалом и обучались под руководством известных иностранных специалистов. Такая ситуация наблюдалась в вузах, которых Шанхая, русская молодежь ориентировалась на западную культуру и историю.

В русском Харбине у эмигрантской молодежи такой перспективы не было.

И всё же несмотря на все трудности историческая общественность русского Китая продолжала свою подвижническую деятельность. Историки видели свою задачу не только в том, чтобы найти кафедру для продолжения педагогической деятельности, совершенствования знаний, но и в том, чтобы улучшить и совершенствовать систему высшего образования российских вузов, тем самым обеспечив квалифицированное образование и передачу научных традиций молодому поколению.

История русских эмигрантов в Китае является незаменимой частью русской истории, привлекает пристальное внимание ученых всего мира. Вклад русских-историков в мировую культуру трудно переоценить.

Из общей массы русских историков, эмигрировавших в Китай, можно выделить три группы: получившие известность еще в дореволюционной России (например, М.Н. Ершов, В.М. Алексеев, Н.В. Устрялов, В.А. Рязановский) сформировавшиеся уже в эмиграции на Востоке (Н.П. Автономов, Н.Е. Эсперов, Г.Г. Тельберг) и получившие историческое образование в Китае (например, Г.В. Мелихов, А.Г. Малявкин, В.С. Стариков). Все они внесли значительный вклад в развитие отечественной исторической традиции и культуры.

Библиография:

1. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине: исторический обзор 1920-1937. Харбин, 1938. С. 21.
2. ГАХК. Ф. 830 ОП. 1. Д. 54094.
3. Майдачевский Д.Я. Их путь в изгнание лежал через Иркутск. К истории русской научной эмиграции в Харбине // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 1996. С. 388-391; Он же. История хозяйственного быта в Иркутском государственном университете: 1920-е годы // История вузов России: мат-лы VI Всероссийск. заочн. науч.конф. СПб., 1997. С. 66-68.
4. Камков А.А. Отчет о состоянии юридического факультета 1920-1930 // Известия Юридического факультета. Харбин, 1931. С. 315-326.
5. ГАХК. Ф. 830 ОП. 1.Д. 54094.
6. ГАХК. Ф. 830 ОП. 3.Д. 4459.
7. Хисамутдинов А.А. Музей русской культуры в Сан-Франциско: Материалы дальневосточной эмиграции: Отечественные архивы. 1999. № 5. С. 25.
8. Тельберг Г. Библиография В.А. Рязановский: Монгольское право (преимущественно обычное) // Известия Юридического факультета. Харбин, 1931. С. 277-281.
9. Ершов М.Н. Пути развития философии в России. Владивосток, 1922. С. 4.
10. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919-1939. М., 1994. С. 203.
11. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1998. С. 252.
12. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. С. 253
13. В.Г. Мехтиева Культурологическое исследование при интеграции предметов искусства // Педагогика и просвещение. 2011. № 4. С. 88-90.
14. И.Н. Сиземская Проблемы образования в контексте отечественного философско-педагогического наследия // Педагогика и просвещение. 2012. № 3. С. 7-15.

References (transliterated):

1. Avtonomov N.P. Yuridicheskii fakul'tet v Kharbine: istoricheskii obzor 1920-1937. Kharbin, 1938. C. 21.
2. GAKhK. F. 830 OP. 1. D. 54094.
3. Maidachevskii D.Ya. Ikh put' v izgnanie lezhal cherez Irkutsk. K istorii russkogo nauchnoi emigratsii v Kharbine // Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri. Materialy i tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoi konferentsii. Irkutsk, 1996. S. 388-391; On zhe. Istoriya khozyaistvennogo byta v Irkutskom gosudarstvennom universitete: 1920-e gody // Istoriya vuzov Rossii: mat-ly VI Vserossiisk. zaochn. nauch.konf. SPb., 1997. C. 66-68.
4. Kamkov A.A. Otchet o sostoyanii yuridicheskogo fakul'teta 1920-1930 // Izvestiya Yuridicheskogo fakul'teta. Kharbin, 1931. C. 315-326.
5. GAKhK. F. 830 OP. 1.D. 54094.
6. GAKhK. F. 830 OP. 3.D. 4459.
7. Khisamutdinov A.A. Muzei russkoi kul'tury v San-Frantsisko: Materialy dal'nevostochnoi emigratsii: Otechestvennye arkhivy. 1999. № 5. C. 25.
8. Tel'berg G. Bibliografiya V.A. Ryazanovskii: Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe) // Izvestiya Yuridicheskogo fakul'teta. Kharbin, 1931. C. 277-281.
9. Ershov M.N. Puti razvitiya filosofii v Rossii. Vladivostok, 1922. C. 4.
10. Raev M. Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoi emigratsii, 1919-1939. M., 1994. C. 203.
11. Pecheritsa V.F. Dukhovnaya kul'tura russkoi emigratsii v Kitae. Vladivostok, 1998. C. 252.
12. Pecheritsa V.F. Dukhovnaya kul'tura russkoi emigratsii v Kitae. S. 253
13. V.G. Mekhtieva Kul'turologicheskoe issledovanie pri integratsii predmetov iskusstva // Pedagogika i prosveshchenie. 2011. № 4. C. 88-90.
14. I.N. Sizemskaya Problemy obrazovaniya v kontekste otechestvennogo filosofsko-pedagogicheskogo naslediya // Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 3. C. 7-15.